

Комедия положений

или просто наша жизнь

ЛАРИСА ТЕПЛЯКОВА

Лариса Теплякова

**Комедия положений, или
Просто наша жизнь (сборник)**

«Автор»

2014

Теплякова Л. Ю.

Комедия положений, или Просто наша жизнь (сборник) /
Л. Ю. Теплякова — «Автор», 2014

Нет ничего важнее жизни простого человека – она соткана из событий и чувств, знакомых каждому. В этой книге собраны рассказы Ларисы Тепляковой, написанные легким языком, с любовью к людям. Узнаваемые персонажи, увлекательные сюжеты, душевная теплота и внимание к деталям – все на этих страницах. В конце книги опубликованы очерки-откровения о самостоятельном продвижении писателя-новичка на литературном поприще. Эти короткие и полезные истории впервые появились на сайте «Справочник писателя» и быстро обрели популярность в Интернете, многим помогли понять издательскую «кухню» и даже поверить в свои способности.

© Теплякова Л. Ю., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Женские таланты	5
Две невесты	14
Как снег на голову	20
Комедия положений	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лариса Теплякова

Комедия положений или Просто наша жизнь (сборник)

Женские таланты

Из окон новой квартиры хорошо просматривался парк Сокольники. Такой вид нынче дорогого стоит – в прямом и переносном смысле. Зять не поскупился. В прямом смысле.

После обеда и короткого дневного отдыха Альбина Саидовна водила внука на прогулку. Русланчик играл с детьми, Альбина Саидовна общалась. В эти часы в парке появлялись опрятные нянечки, ухоженные бабушки и молодые эффектные мамочки. Завязывались милые, необременительные отношения.

– Что-то вас не было видно всю последнюю неделю, – посетовала интеллигентная седая дама, бывшая учительница, Лидия Ивановна. – Побывали опять в Испании? Расскажите, милочка! Я бы даже посмотрела фотографии!

– Дочка с зятем ездили, это верно. Русланчика брали, а мне дали маленький отпуск от семейных забот. Я провела его на своё усмотрение, – с улыбкой пояснила Альбина Саидовна.

– Как же?

– Побывала в родных местах. На Урале. Есть такой городок – Октябрьский.

– Признаюсь, слышу впервые. Так вы оттуда родом? – удивилась собеседница.

– Да, я с Урала, – ответила Альбина Саидовна.

– А я Уральские горы только на карте и видела, – призналась Лидия Ивановна. – Всю жизнь прожила в Москве. Куда мы раньше ездили? Сочи, Ялта. Конечно, Ленинград. Там у меня сестра. Школьников возили на экскурсии. Вот и вся моя география. Жизнь проходит, а Россию толком не повидала. По телевизору в новостях разные регионы показывают, а мне всё одинаково незнакомо.

– Зато вы – коренная москвичка, – с улыбкой напомнила Альбина Саидовна.

– Так-то оно так, – согласилась Лидия Ивановна. – А вы-то у нас какая – уралочка!

– Да, так и есть, – улыбнулась Альбина Саидовна.

Удачный брак – что выигрыш в лотерею. У красавиц шансов больше. Красота – природный дар. Бережно пронести его по жизни – особый женский талант. А если внешность заурядная, да живёшь в малом уральском городке, то ухватить удачу за хвост почти невозможно.

Название Октябрьский происходило от Октябрьской революции 1917 года. У Альбины наименование родного города вызывало зябкое воспоминание о неминуемой осени, порывах октябрьского ветра и шорохе опавших листьев по разбитому асфальту. Но в таких захолустных местечках умные девушки тоже рождаются. А умница всегда изыщет возможность проявить свои женские таланты.

Альбина никогда красивой не была. Тяжеловатый подбородок, нос картошечкой, ноги коротковаты – не за что цепляться мужскому взору. Она оттачивала то, что имела: бархатный голос, мягкая походка, лучезарная улыбка, проникновенный взгляд, а главное – умение слушать чужие исповеди. Альбина натренировалась смотреть на собеседника внимательными умными глазами, обволакивая одобрением и пониманием. Мужчины рядом с ней без стеснения сбрасывали комплексы и напускную браваду. Они становились незаурядными и очень нравились сами себе. Ощувив рядом с Альбиной это возвышающее состояние, некоторые стреми-

лись сблизиться с девушкой. Внешность не помешала ей прослыть обаятельной, пользоваться вниманием, но делать окончательный выбор девушка не спешила. Сердце молчало.

Альбина работала бухгалтером в заводууправлении. Ежедневно она играючи загоняла упрямые нудные циферки по верным счетам и ежеквартально составляла блестящие отчёты. Сметливая и кропотливая девушка легко ориентировалась в лабиринтах бухучёта, и начальство её ценило.

По утрам Альбина выходила из панельной пятиэтажки на улицу Центральную. Путь на работу отнимал минут пятнадцать, и ничего нового на этом маршруте не встречалось.

Магазин «Хозтовары», газетный киоск, гастроном. Рядом с гастрономом – бабушки-соседки торгуют зеленью с огородов. Не спится им, с утра на посту. Вежливый кивок одной, улыбка другой: «Здравствуйте, тётя Маша, тётя Глаша, тётя Даша!».

Крыльцо заводууправления высокое, просторное, и цветочные клумбы по бокам. Вначале зацветают пионы, потом гладиолусы взметнутся вверх, а по осени – разноцветные астры и хризантемы раскинутся в отчаянной своей прелести. Затем всё пожухнет, подуют ветры, завьюжит зима, заметёт и укроет надолго снежной пеленой весь городок. Альбина наденет тёплые сапожки, и будет ходить той же дорогой по хрусткому снежку в свою бухгалтерию. Ничего нового из года в год.

В конторе – зелёные стены да серые картонные папки с тесёмками в безликих шкафах. Столы обтёрлись за много лет, вид потеряли. Начальство обещает мебель поменять, да все руки не доходят. Конечно, скучновато, но жить можно.

Вечерами гуляли с подругами по родному Октябрьскому. Неподальёку от городского парка располагалось добротное здание старой постройки. Двор просторный, клумбы разбиты, беседочки чистенькие. Стены в доме крепкие, потолки высокие, квартиры нестандартные. И жильцы особенные – местные начальники из разных ведомств. Альбина с товарками иногда приходила посидеть, воздухом подышать возле «Дома спецов». Интересно было наблюдать, как подруливают к подъездам начищенные «Волги», как выходят из них солидные мужчины в строгих костюмах. Воображение дорисовывало холёных жён и умненьких ребятишек. Ни пьяных криков, ни хлама, ни кислых запахов. Чинно и благородно. Опрятно и покойно. Оазис благонравия.

Как-то на исходе душного летнего дня из третьего подъезда «Дома спецов» вышла мужская троица: три парня среднего роста, удивительно похожие лицами. Рубахи светлые, отутюженные. Новенькие дефицитные джинсы ловко облегали ноги. Такие модные штаны в местном универмаге не купишь.

Три мужских фигуры возникли в мареве сумерек, как по волшебству, разом вызвав смещение девушек. Три статных парня. Каждый хорош собой, выбирай любого. Только таких ребят заинтересовать нелегко. Альбина осторожно спросила у подруги:

– Кто это?

– Братья Тороповы, – ответила та. – Они недавно переехали. Отец у них какой-то высокий чин в госбезопасности. Ты их не встречала раньше?

– Нет, впервые вижу.

Сердце заполошно забилося, заволновалось. Значит, братья. Сразу три завидных жениха в маленьком городе. Большое событие.

Недолго думая, Альбина немного изменила свой ежедневный маршрут. Утром на работу шла одной дорогой, а вечерами возвращалась через заветный двор спецдома. Расширила знакомства, задерживалась поболтать.

Вскоре навела справки, что отец у братьев – подполковник КГБ, а мать назначили редактором местной «Вечёрки». Отец заставлял сыновей учиться в филиале политехнического института, да ребята с ленцой, отлынивали. Отец прижимал, требовал. Старший брат Анато-

лий очень быстро стал профсоюзным функционером. Двое других, Олег и Игорь, с трудом грызли науки.

Альбина тонкие сети раскинула. Младший из братьев, Олег, в них и заплыл.

Олег совсем зашился с курсовыми проектами. Преподаватели наседали, отцу звонили, грозили не допустить к весенней сессии. Могли и отчислить нерадивого студента.

Альбина быстро выполнила курсовые работы за младшего Торопова. У Олега гора с плеч свалилась. В благодарность он купил конфет и шампанского. Посидели в кафе, разговорились. Погуляли. Парень долго и сбивчиво излагал жизненные планы, говорил об интересе к автоделу. Ему хотелось иметь мотоцикл, но отец не давал согласия и денег, пока сын отставал по учёбе. Разделался с институтскими «хвостами» – открылась мечта. А кто помог? Альбина. Олег откровенничал, а ей того и надо было. Клетка за ним тихо защёлкнулась, он и не заметил.

Наступил июнь. Олег досрочно сдал экзамены. Отец слово сдержал, мотоцикл сыну купил.

Стали чаще ездить за город. Всего-то полчаса – и уже на природе. Лес, река извилистая, луга заливные, разнотравье высокое. Жаворонки в синем небе, кузнечики в траве. Олег рядом. Говорит, говорит, рассказывает. Альбина слушает. Руки у него загорелые, пальцы длинные. Лоб светлый, высокий. Нос прямой, остренький. Подбородок аккуратный. А губы... Губы сладкие.

Осенью Олег ей предложение сделал. Легко, просто. С Альбиной ему замечательно. Она согласилась сразу. Пошли к Тороповым.

Отец, Василий Матвеевич, строго смотрел на будущую сноху, будто рентгеном просвечивал. Всё увидел. Некрасивая, но умная. Из простых, но трудолюбивая, старательная.

– Для меня важно, чтобы Олег окончил институт, доучился, – предупредил Василий Матвеевич.

– Со мной доучится, – спокойно заверила Альбина будущего свёкра.

– И к водочке чтобы поменьше прикладывался. Безвольный он. Может не остановиться, – добавил подполковник.

– Прослежу. Отважу, если что, – невозмутимо пообещала Альбина.

Казалось, что он ей ребёнка передаёт на воспитание. Другая бы поостереглась, призадумалась, но Альбина уже созрела для семьи, стосковалась в девках, хотела перемен. Биологические часы неумолимо тикали, толкали навстречу судьбе. Олег слабовольный, но зато добрый, весёлый, широкая душа. А твердости в характере ей хватало на двоих.

В этом доме всё было с магической приставкой «спец». У Василия Матвеевича – спецработа, спецтранспорт, у всех – спецполиклиника, спецсанаторий, продуктовый спецзаказ и, конечно, спецсвязи. Стержень семьи – немногословный отец. С виду подполковник суров, но на самом деле щедрый, заботливый человек. Всея родне старался «соломки подстелить», оградить от житейских забот. Своего родителя Альбина не помнила вовсе, так что стала почитать Василия Матвеевича, как родного отца.

Свекровь, Мария Ивановна, вечно занятая на работе, приняла сноху радушно. «Нарожала я сыновей – полон дом мужиков, пощебетать по-бабьи не с кем» – шутила она.

Братья мужа – отзывчивые, на редкость дружные. Друг за друга горой. Правда, Анатолий к тому времени в отдельную квартиру переехал, но встречались часто.

Муж ввёл Альбину в слаженный семейный мирок. Раньше у девушки была одна мать, а после свадьбы образовалась новая родня. Славный клан Тороповых.

Дом – полная чаша. Квартира огромная, светлая. В коридорах заблудиться можно. Была даже столовая, где собирались по вечерам и на праздники. Альбине нравилось хозяйничать

на кухне Тороповых. Из хороших продуктов готовить не в тягость. Всё вкусно получалось. Оказалось, и в маленьком городке с осенним названием возможно счастье.

Подполковник частенько накрывать помогал. Он любил приобщиться к домашним делам: мог посуду помыть, ковры пропылесосить. Салфеточки белые разложит, ножи – справа, вилки – слева. Над столом – люстра чешского стекла. Красиво!

Василий Матвеевич, бывало, спросит:

– Ну, Альбина, как твои цифирочки, крючочки, закорючечки в бухгалтерии? На месте? Сальдо дебетовое?

– Дебетовое, – улыбалась сноха.

– Может, работу сменить желаешь? Говори, я помогу, пока вес в городе имею.

– Спасибо, Василий Матвеевич. На привычном месте надёжнее.

– Олечка не шалит? Ты не молчи, если что. Мы его поправим, – продолжал свёкор.

И случалось – поправлял.

Свекровь часто запаздывала. Появлялась голодная, неунывающая, всегда с ворохом новостей. Смеялась, рассказывала, не забывала сноху хвалить. Засиживались за полночь.

Олег засыпал быстро, а Альбина, обласканная мужем, лежала ещё некоторое время в темноте и молила кого-то в небесах: «Пусть ничего не меняется, пусть так будет всегда».

Не зря удачу называют птицей. Присядет, отдохнёт, поможет и летит на следующий зов. Мало ли людей о счастье мечтают... А ты уж береги, что получила. Но слаб человек, и век его короток. Уходят люди из жизни, не успев завершить задуманное.

Приказала долго жить милейшая Мария Ивановна. Слабо ахнула однажды в воскресный полдень и упала на кухне возле старинного буфета. Инсульт.

Василий Матвеевич после её смерти сник, замкнулся, разом постарел. Плечи горестно опустились, взгляд погас, будто кто лампочки вывернул. Подполковник прожил немногим больше своей любимой жены. Через год похоронили и его.

Сыновья горевали долго. Особенно тяжело перенесли смерть отца Олег и Игорь. Оба попивали ежедневно то вместе, то поврозь. Игорь во хмелю становился непривычно грубым, вспыльчивым, вздорным, а Олег – совсем безвольным, обмякшим и даже слезливым.

– Всё, больше не могу, – как-то обречённо заявила жена Игоря, Татьяна. – Буду разводиться!

– Подожди, – попыталась остановить её Альбина. – Обойдётся. Повремени. Тяжело им.

– А мне не тяжело? – Татьяна вспыхнула, выплёскивая горечь. – Он деньги пропивает, а потом ещё воюет со мной. Детей пугает. Всё, меня эти бои местного значения измотали. Развожусь!

«Были родными, а станем просто знакомыми» – с грустью подумала Альбина, а вслух сказала:

– А жить как станете? Куда он пойдёт?

– Так я чего и пришла – к вам его отселю. Неужели же я с двумя детьми свою двухкомнатную разменивать буду? А у вас квартира большая. Пусть братья сами думают, как им жить.

Двухкомнатную квартиру Игорь получил благодаря хлопотам покойного отца. Не предполагал радеть Василий Матвеевич такого поворота событий.

Татьяна слов на ветер зря не бросала. С разводом провернула всё быстро. Несмотря на расторгнутый брак, Игорь уходить от семьи не торопился.

– Танька! Что делаешь?! – театрально кричал он жене. – Семь раз отмерь, один раз отрежь – забыла народную мудрость? А ты... Отца от детей гонишь?

Татьяна – женщина решительная. Мерить семь раз – годы зря терять. Она предпочитала резать по живому, но однажды.

Скандалные страсти кипели месяца три, но в итоге Игорь перебрался с пожитками в родительский дом, под крыло к младшему брату.

Теперь в столовой не ужинали. Там по вечерам сидели братья за бутылкой. Жалели друг друга, спорили до хрипоты. Пили, пили горькую допьяна.

Когда-то крепкий клан Тороповых размывался водкой, слабел, разваливался на глазах. Семейный корабль остался без опытного капитана. Члены команды без него плавать в житейском море не умели и проявляли не лучшие свои качества.

Пару раз с добрыми намерениями наведася Анатолий. Посидев с младшими братьями, понял, что те увязли в своих комплексах и обидах на судьбу нешуточно. Возиться с ними Анатолию было некогда – семья, работа ответственная. Посочувствовал, развёл руками. Нет, не потянул Анатолий на капитана. У Альбины рухнула последняя надежда на Тороповых. Нужно было что-то срочно предпринимать самой.

Вечерами, когда из-за прикрытой двери столовой раздавались выкрики хмельных братьев, Альбина ходила в раздумье по пустынным комнатам, зябко кутаясь в шаль, тоскуя по прежней жизни. Она – Олегу жена, но, прежде всего она – мать. Детей Альбина жалела больше всех. Их у неё уже имелось двое. Когда младшенькая, дочка Регина, пугливо смотрела влажными карими глазами, сердце Альбины сжималось в бессилии. Региночка, доченька – изящная, мечтательная девочка, внешностью пошла в утончённую породу Тороповых. Хрупкая трогательность сочеталась в ней с наивностью, и это волновало Альбину до дрожи. В школе дочь училась неважно – и этим в отца. Регина любила рисовать. Она выдумывала нереальный мир, населённый смелыми принцами и прекрасными принцессами, райскими птицами и добрыми феями. Тонкие пальчики сжимали карандаш, и тот начинал танцевать по бумаге. Эти фантазийные рисунки она оставляла повсюду, а Альбина собирала их в картонную бухгалтерскую папку.

Сынок, старший из детей, походил на саму Альбину. Невысокий крепыш, реальный паренёк. Он лучше чувствовал происходящее, и за него Альбина была спокойна.

Рубить с плеча, как Татьяна, Альбина не могла. Дети отца любили, с первых дней привыкли жить в большой семье. Покойные дедушка с бабушкой не одобрили бы разрыва. Да и какая семья без родного отца? Грубый обрубок. Требовалось другое решение, и оно появилось внезапно.

Братья ссорились чаще и чаще. Альбина приступила к действиям. Продала кое-что из ценных вещей, заняла денег и деликатно отселила Игоря в однокомнатную квартиру.

Ни Олег, ни сам Игорь даже не пытались ей помочь, и все заботы воспринимали как должное. Она поняла окончательно, что сыновья добрейшего подполковника Торопова совершенно беспомощны в жизни.

На работе Альбину по-прежнему ценили и часто премировали, но денег не хватало. Муж работал от случая к случаю.

Однажды одна сотрудница с восторгом рассказала о том, как её родственница отлично устроилась в Москве, работая бухгалтером в крупной фирме.

– Больше 1000\$ в месяц имеет! – восхищалась женщина. – Нам и не снилось.

Кому не снилось, а кому запало в пылливый ум. Потянулась цепь невероятных событий.

Альбина в Москве была всего лишь раз – с Олегом вскоре после свадьбы. Однако план у неё созрел быстро.

Она взяла отпуск за свой счёт и уехала искать работу в Москве.

Ей повезло. Место она нашла удивительно быстро, по газете «Из рук в руки». На бухгалтеров был спрос. Сложнее обстояло с жильём. Прикинув все варианты, она поняла, что огромную квартиру Тороповых в Октябрьском надо продавать и покупать меньшую жилплощадь в Москве.

Все формальности Альбина провернула без суеты и обстоятельно. Затем выдернула всю семью, как морковку из грядки, и повезла в другую жизнь. Никто ей не перечил, хотя дочке до окончания школы оставался всего один год. Детям было интересно, а муж давно привык, что жена решала за него.

Восемнадцать лет Регине исполнилось в Москве. Дочь кое-как доучилась в столичной школе. Отец и сын устроились в автосервис. Олег выпивал редко, за работу держался.

– Куда теперь девчонку определим? – спросил как-то муж. – Может, в торговый колледж?

– Замуж отдадим, – загадочно улыбаясь, ответила Альбина.

– Замуж?! За кого?! – изумился отец. – Кто её сватал?

– За хорошего человека, – твёрдо ответила мать.

Олег привык к тому, что жена зря слова не проронит. Пожал плечами, поворчал тихонько, но расспрашивать не стал. Ему было невдомёк, что Альбина с карандашом в руке уже давно изучает раздел брачных объявлений всё в той же газете «Из рук в руки».

Кто ищет, тот всегда найдёт. Потенциальному зятю Альбина вначале позвонила сама. Назначила встречу. Привезла Регину. Оставила их наедине.

Регине едва сровнялось 18, а Артуру минуло 30 лет. Он так увлечённо выстраивал свой бизнес под руководством старшего брата, что забыл о полноценной личной жизни. Когда вспомнил, то увидел, что в его окружении нет девушек, похожих на прекрасных принцесс. Прагматичные стильные хищницы его не привлекали, даже наоборот – отталкивали. Хотелось душевной чистоты и естества.

Рискнул дать объявление. Возникла Альбина, привезла дочь. Тонкая кожа, прожилки у виска виднелись, влажные карие глаза смотрели наивно и доверительно. Хотелось защитить девушку от проблем, подставить спину, предложить руку, отдать сердце и иметь детей, похожих на неё. Им было, что предложить друг другу: цветенье юности в обмен на мужскую силу и уверенность. Со свадьбой тянуть не стали.

Артур поспешил оформить всё без волокиты, но красиво. Извечный сюжет про Золушку разыгрывался в новой интерпретации. Регина была тиха и естественна, несмотря на её неопытность. Для неё будто ожил рисованный мир, и фантазии стали реальностью.

Зато отец Регины, Олег, был сражён наповал. Он обалдело смотрел на жену, ожидая объяснений. Появление щедрого Артура, таинственность жены, восхищение дочери чужим человеком его злили и принижали. Альбина оставалась немногословной, всем видом намекая, что мужу лучше воспринять события, как есть. От полноты ощущений он пропал на неделю. Его никто не искал – просто некогда было. Занимались приготовлениями к предстоящей свадьбе. Зачумлённый, он возник за день до торжества. Понял, что его отсутствие никого не огорчило, и смекнул, что всё же приятнее утвердиться в роли отца счастливой новобрачной.

Удачный брак – что выигрыш в лотерею, да только крупные призы доступны не всем. Большинство довольствуется мелкими подарками судьбы. Главный женский талант – талант дальновидной матери – приносил Альбине и всей семье ощутимые дивиденды. Мать ради дочери превратилась в фею из сказки, взяла Регину за руку и отвела в иное бытие. Сама Альбина Саидовна продолжала работать бухгалтером. Отец и сын тоже находились при деле.

Тревога за дочь, томившая сердце, отпустила, ослабила хватку. Альбина вздохнула свободней. Она была готова почитать зятя уже только за то, что он сделал Регину счастливой.

Молодые путешествовали по Европе. Регина звонила один раз из Парижа, другой раз – из Вены. Голосок её звенел серебряным колокольчиком, баюкая душу матери. По возвращению в Москву они явились в гости с подарками.

– Здравствуйте, мама, – сказал на пороге Артур.

Альбина и не ожидала такой сентиментальности от зятя-бизнесмена. Он, видя её замешательство, спросил:

– Я могу вас так называть?

– Конечно, конечно, – поспешила ответить Альбина.

– У нас с братом мать очень рано умерла. Мне так приятно ощутить себя сыном хотя бы частично, – сознался он.

Альбина по-простому расцеловала обоих. Сели за стол поужинать по-родственному. Потом смотрели фотографии, беглые зарисовки Регины, распаковывали подарки. Молодожёны без усталости делились впечатлениями и озаряли своим счастьем небольшую квартирку. Вечер пролетел незаметно.

Напоследок Артур сообщил:

– Я новую квартиру покупаю. Теперь у меня семья, надо комнат больше. Сейчас займусь обустройством. А вам, мама, я хотел бы предложить новую работу. Ведь вы бухгалтер. Мне нужен свой надёжный человек. И вашему сыну у меня есть интересное предложение. Он парень молодой, ему надо развиваться. Давайте завтра у меня в офисе встретимся и обсудим.

Время течёт невидимой рекой, но оставляет за собой заметные изменения. Артур не посвящал семью в проблемы обустройства нового жилья, а повёз жену и тещу смотреть квартиру в Сокольниках, когда там практически всё было готово к вселению.

Альбина медленно обошла комнаты, заглядывая во все уголки, ласково ощупывая и поглаживая то обои, то обивку, то кафель. Квартира хранила прохладу. Стены и вещи замерли в ожидании, как неприкаянные. Им надо было кому-то служить, принадлежать, тогда они раскрыли бы своё предназначение, потеплели, обрели суть. А в безлюдной квартире они оставались бездушными предметами. Да и обстановки было совсем немного, ничего лишнего. Всё куда-то ловко встроено, много простора и света.

– Ну, как? – не терпелось Артуру.

– Всё славно. Всё замечательно, сынок, – похвалила Альбина. – Поблагодари, Региночка, мужа, и живите счастливо.

– А свою комнату вы определили? – спросил зять.

– Мою?!

– Да, здесь есть ваша комната.

Зять повёл её в уютную спальню. Комнатка милая, из окна чудный вид. Проснуться в такой спаленке, увидеть небо над старым парком – это ли не счастье?

– Зачем мне, Артурчик, здесь спальня? – недоумевала Альбина. – У нас есть своя квартира.

– Будете жить здесь, когда захотите, когда Регине потребуется помощь. Ведь у нас скоро будет ребёнок, а родная бабушка лучше посторонних помощниц.

– Что ты, сынок, молодым мешать нельзя! – запротестовала Альбина. – У меня свои привычки, у вас свои.

– Вы умеете любить без навязчивости. Вы умеете быть деликатной. Я считаю это важным житейским талантом. Главным талантом, – очень серьёзно ответил зять.

– Спасибо тебе, но ведь я работаю пока, – слабо упиралась Альбина.

– А может вам пора отдыхать? – улыбнулся зять. – Не слишком ли я вас загрузил на работе? Я не буду торопить, решите всё сами. Регина родит, и вы, женщины, сами определитесь. Я уверен, вы станете хорошей бабушкой.

Регина стояла рядом, похожая на девочку, шаловливо засунувшую мячик под подол. «Мячик» был большой, но торчал только вперёд, уже не подпирая грудь, а несколько опустившись. Роды близились.

«Такой живот бывает только с мальчиками. Когда носишь девочку, живот похож на огромную неуклюжую подушку, заметную со всех сторон, – подумала Альбина, взглянув на дочь. – Сыновья у матери красоту не отбирают, зря фигуру не портят. Они и в утробе мужчины».

Через день приехали с Региной мыть окна, застилать постели. Вернее мыла сама Альбина, а дочь составляла компанию и осваивалась с ролью владелицы прекрасной квартиры. Ей очень нравилось быть замужем, ощущать себя любимой женой.

Артур предлагал прислать помощниц, но Альбина возразила. Ей хотелось оживить дом самой. Эта работа была ей привычна и приятна. Такое удовольствие смотреть сквозь стёкла, промытые своими руками!

Регина разбирала постельное белье, потом прилегла.

– Хорошо бы чайку, а, мам? – предложила дочь.

– Да, можно, – согласилась Альбина. – Пойди на кухню, организуй первое чаепитие. Ты здесь хозяйка, я у тебя в гостях.

Регина послушно побрела, но вскоре вернулась.

– Мама, представь: я нашла чашки, ложки, заварку, печенье, сахар. В общем, там есть всё для чайной церемонии, кроме самого чайника. Про него Артур забыл, – усмехнулась она.

– Для того и жёна, чтоб деликатно довершить то, до чего у мужа руки не дошли.

– Пойду, схожу в магазин электротоваров и куплю сама, – заявила Регина. – Тут рядом. Я быстро.

– Быстро не надо. Ты должна лебёдушкой плыть, – остерегла мать.

– Ладно, поплыву лебёдушкой, – с улыбкой пообещала дочь.

Регина задерживалась. Альбина начала волноваться. «Зачем отпустила? – корила она себя. – Девчонка вот-вот родит, а я? Ещё пять минут жду и пойду за ней». Но не прошло означенных пяти минут, как вернулась раскрасневшаяся Регина с коробкой в пакете.

– Мама, – возбужденно заговорила она. – Послушай, что произошло! Я выбрала чайник. Пошла в кассу. Мне пробивают чек и начинают поздравлять!

– С чем?!

– Не поверишь! У них какая-то рекламная акция или корпоративный юбилей... Я не разобралась ещё. Главное, я поняла, что какой-то приз выиграла по чеку. Вот тут в листовке всё написано, потом прочитаем. Давай поставим чайник кипятиться. Так хочется попить! Ой, что-то внизу живота тянет! Нет, прошло! Ну, не смотри на меня так. Со мной всё в порядке.

Чайник вскипел и уже сам отключился со щелчком, но первое чаепитие в Сокольниках не удалось. У Регины начались схватки. Альбина быстро прикинула, что пока ещё время позволяет, и вызвала зятя. Артур приехал быстро, сам повёз жену рожать первенца.

Роды прошли замечательно. Регина старательно выполняла указания акушерки и врача, удивив всех терпеливостью и сосредоточенностью. Крупный мальчик на руках акушерки чихнул, прочищая нос, а потом подал голос после лёгкого шлепка.

– Молодец, мамочка! – сказала акушерка. – Такого богатыря выносила и родила хорошо. Тебе рожать да рожать!

Имя малышу было подобрано заранее – Руслан. Счастливый отец забрал жену и сына в положенный срок. Дома бабушка приняла внука, светясь от счастья.

Вечером собрались на ужин родные. Мальчика пока не показывали, всё ещё впереди, а молодая мама вышла к гостям принимать поздравления и подарки.

– Всем огромное спасибо, – благодарил Артур. – Но я должен вам сказать, что самый большой подарок Регина сделала сама.

– Конечно, ребёнок – дар судьбы! – подхватили гости.

– Вы даже не представляете, что я имел в виду! – продолжал Артур. – Регина выиграла машину!

Тут удивилась сама Регина:

– Какую машину? Когда? Ты о чём?

– Помнишь, ты купила чайник? В магазине была акция розыгрыша призов по чекам.

– Да, помню. Мне дали что-то, но у меня дома схватки начались, я и забыла обо всём.

– Я всё прочитал, созвонился с магазином, сходил на розыгрыш. На наш, вернее твой, чек выпала ма-ши-на!

– Какая? – нетерпеливо поинтересовался Олег.

– Не поверите – BMW! Там всё на твоё имя оформлено. Так что тебе ещё предстоит получить приз. А я, конечно, помогу.

Воцарилась тишина на минуту-другую. Потом она взорвалась от возгласов восторга. Регина, послушная инстинкту материнства, зашикала на всех:

– С ума сошли! Зачем так орать? Руслана разбудите!

– Ну, Регинка, ты даёшь! – восхитился брат.

Поздравления грянули снова, но уже приглушённо. Регина выслушала всех и спокойно обратилась к мужу:

– Ты для меня очень много сделал, так могу и я что-то сделать для тебя? Дарю сына и машину в придачу. Не понравится – продашь.

Гости разошлись. Альбина отправила дочь с зятем отдыхать, вкушать своё молодое счастье. Она-то знала, что самые восхитительные минуты для супругов в сокровенном уединении, когда можно прижаться друг к другу, вдыхая родной запах и прислушиваясь, как рядом сопит носиком крохотный человечек, похожий на маму и папу одновременно.

Альбина домовито взялась за дело. Аккуратно сложила в холодильнике нетронутые продукты – пригодятся ещё. Затем принялась за посуду. Приходили только самые близкие Регине и Артуру люди, а грязных тарелок образовалось много. Это обстоятельство её не огорчило, а порадовало. Вспомнилась былое, дом Тороповых, столовая, кухня, где она была практически хозяйкой. Московская кухня тоже была большой, но другой, современной. Говорят, всё развивается по спирали. Всё повторяется, но на новом уровне. Всё возвращается на круги своя. Значит, жизнь сделала очередной виток, вернув её, Альбину, в большую семью. Образовался новый клан. В той, в прошлой жизни, стержнем семьи был Василий Матвеевич. А теперь, конечно, Артур. Он был молод, но надёжен. Выходит, что в её судьбе самыми значимыми мужчинами оказались свёкор и зять. Не кровная родня, а стали дорогими людьми.

Она привычно протирала насухо каждую тарелку и думала, что как удивительно устроено материнское сердце. Всех восхитил выигрыш машины, а её встревожил. Альбина беспокоилась: не много ли сразу выпало Регине. Она всегда желала ей добра, но успех и богатство – большое испытание для неокрепшей души и для любви тоже. Расщедрилась птица-удача, залетела в новый дом, осыпает дарами её девочку. У птицы есть крылья, она улетит. Трудные будни у всех случаются. Вот когда людям требуются все их житейские способности, чтоб удержаться на плаву. Альбина точно знала, что основной женский талант – сохранить семью на долгие годы. Это нужно ей самой, детям, мужу и всем последующим поколениям. Такой талант не выиграешь и не купишь. Его можно развить, но не сразу, постепенно, накапливая опыт.

«Что же, придётся передавать свои таланты дочери по крупице, по капельке, чтоб всегда сумела отвести беду», – подумала новоявленная бабушка. Она была нужна молодым супругам, внуку, и это казалось невыразимым счастьем.

Две невесты

Три дня, как я невеста. Внешне я осталась та же, но внутренне уже другая, иная, чем прежде. Холодок под ложечкой, ощущение прыжка в неведомое измерение и попытка понять себя самоё: готова ли?

Изменились и мои близкие. Мама радостно возбуждена. Папа – задумчив и сосредоточен. Он отстранённо молчалив, но я знаю, что его раздирают противоречивые чувства. Он счастлив и горд за доченьку, но не допускает мысли, что я, его девочка, скоро покину родительский дом. Втайне он хотел бы, чтобы моё замужество случилось несколько позже. Когда? Он и сам точно не знает.

Я подшучиваю над ним:

– Папочка, когда я стану старой девой, ты сам будешь пытаться выдать меня за первого встречного.

Моя ирония его корбит. На папином лице возникают гримасы отчаяния, и мне становится нестерпимо жалко моего стареющего отца. Весёлая мамина живость папу раздражает. Чтоб не ссориться с нами, он отгораживается газетами. Это вполне по-мужски: вчитываться в мировые новости, уходя от событий в собственном доме.

Бабушка, глядя на нас, вытирает слёзы. Меня она норовит приласкать при каждом удобном случае. Бабуля гладит мою голову сухой натруженной рукой, совсем как в детстве. Она печалится и радуется одновременно. Всё вместе это называется предсвадебной суетой.

Два вполне половозрелых человека написали в районном ЗАГСе заявление о своём желании вступить в законный брак. Заполнение бланка заняло пятнадцать минут, но мир перевернулся.

Моя подруга Мила, которая назначена свидетельницей невесты, любит шутить, что хотя бы раз в своей жизни надо отметить в таком государственном учреждении, как ЗАГС. А если серьёзно, то я думаю, что каждая женщина немножечко Ассоль. Туманная мечта о сказочном дне свадьбы передаётся по наследству из поколения в поколение по женской линии. Каждая девочка с малых лет представляет себя принцессой в воздушном белом платье рядом со смелым принцем. Это так крепко сидит где-то на уровне подсознания и наверно является частью сложного физиологического фактора, называемого инстинктом продолжения рода. Вот так.

Мы сидим с мамой на кухне, пьём горячий душистый чай. Запахи мяты и смородинового листа колыхнутся над нашими чашками. В их мелодию проникает удивительная горьковато-пряная нота. Так может пахнуть только домашняя сладкая выпечка с черёмухой. Сдобные румяные плюшки горой лежат на большом блюде посреди стола. Тесто с утра ставила бабушка, а стряпали и пекли мы с мамой вдвоём.

За окном угасает морозный январский денёк. Суббота. На маленькой кухне тепло и покойно. Мне хочется вымолвить: «Остановись, мгновенье! Продлись! Дай лучше запомнить этот сумеречный час и эти запахи!». Так неповторимо может пахнуть только отчий дом.

Мы обсуждаем мой свадебный наряд.

– Может, из кручёного гипюра, с небольшой пелеринкой на плечах? – выдаёт идею мама.

– Нет, хочу что-то лёгкое, воздушное, – высказываю я свою неясную пока мысль и делаю пассы руками.

– Тогда пышный подол, по низу оборка, рукава – три четверти, по краю – воланы. Как? – живописует мама. – Фата в том же стиле. Романтично, на мой взгляд.

– Так я буду походить на купеческую дочку. Нет, мам, давай лучше из шифона. Без излишеств.

– Правильно! – подхватывает мама, прихлёбывая чай. – Но если шифон, то надо чехол.
– Да! Нежно-розовый атласный чехол, – озвучиваю я свои девичьи мечты. – И без фаты!
– А что же на голове? – удивляется мама. – Нет, что-то надо! Только не шляпа, я тебя умоляю! Как-то консервативно. В шляпе во второй брак уместно. Тьфу-тьфу, не дай бог!

– Нет, не шляпа! – восклицаю я.

– А что же? – не догадывается мама.

– Венок!

– Какой? Из чего? – мама опять удивляется.

– Из искусственных цветочков. Нежный, трогательный. Цветочки такие маленькие, едва-едва поблёскивают, – описываю я своё видение.

– И волосы слегка завить крупными локонами... Такая будешь душечка! – восторгается мама. Она уловила мою идею, и мы грезим уже вместе. – Только где мы такой венок возьмём?

– Пока не знаю, – отвечаю я. – Где-то.

– Талию подчеркнём широким поясом, – продолжает мама. – Платье белое, полупрозрачное. Чехол розовый, и пояс тоже розовый. Атласный!

Мой облик невесты постепенно прорисовывается. Мы переходим к более прозаичным вещам: прикидываем метраж тканей на платье и чехол; думаем, где заказать венок. Всё так непросто!

За дверью мягко ступает папа. Он боится нас тревожить, но его внутренние терзания распространяются упругими волнами и ощущаются на расстоянии.

– Девочки, – осторожно говорит он, заглядывая к нам. – Ирина Колесниченко звонит. Хочет заехать. Ей что-то надо срочно обсудить с вами.

– Пусть едет! – соглашается мама.

Ирина Колесниченко. Тётя Ира. Ирина Фёдоровна. Мамина приятельница и коллега по работе. Она моложе мамы лет на десять, но это не мешает дружить им, а мне обожать её. Породистая, красивая, ироничная, загадочная женщина. Высокая шатенка с огромными умными глазами. В ней всё крупное и броское. За ней тянется шлейф пересудов, потому что она не умеет быть незаметной. «Меня нельзя не заметить, но мне трудно соответствовать» – любит едко шутить Ирина Фёдоровна.

Она неизменно привлекает внимание. Некоторые мужчины делают попытки пройти по краешку её судьбы, потому что впустить в свою жизнь она может не каждого. Обжегшись однажды, она осторожничает. У большого человека и раны немаленькие – долго затягиваются.

Была у неё в студенчестве любовь – огромная и сильная, как морская стихия. Чувства переполняли так, что юная Ирина поднималась на крышу своего девятиэтажного дома и громко читала стихи проплывающим облакам. Она растворялась в любимом человеке без остатка, ожидая от него той же отдачи.

А через несколько лет случилось предательство – непостижимое, хлёсткое, жгучее. Вначале было очень больно, и не хотелось жить, но с ней остался белокурый большеголовый мальчик. Сын. Забота о нём вытянула молодую женщину из бездны отчаяния, но не примирила с изменой, с вероломством мужа.

Ирина Фёдоровна не заставила себя долго ждать. Папа подхватывает в прихожей её шубку, а она спешит к нам. От маминой подруги веет морозной свежестью, французскими духами и сильнее всего – женской тайной. Я замираю в предвкушении необычного вечера.

– Ах, как я люблю эти ваши домашние плюшечки! – качает головой Ирина Фёдоровна, беря длинными красивыми пальцами сладенькую завитушку. – Как у вас хорошо, девочки!

Я наливаю моей любимице чай и усаживаюсь к ней поближе. Я лащусь к ней, как кошка, касаясь щекой плеча.

– А Машенька у нас заневестилась, – мама сообщает нашу семейную новость.

– О-о, какое событие! – восклицает тётя Ира. – Я надеюсь, объект не поменялся? Это тот замечательный молодой человек, с которым ты меня, Маша, знакомила перед Новым Годом?

– Да, это он! – я киваю и счастливо улыбаюсь. Мне трудно сдержать рвущуюся радость, скрыть возбуждение.

– Поздравляю, деточка, поздравляю, милая, – радуется Ирина Фёдоровна. – Будем готовиться к свадьбе.

– Да, мы уже начали понемногу. Столько сразу хлопот, волнений, – делится мама.

– А мне, девочки, тоже есть, что вам сообщить, – загадочно начинает тётя Ира.

Мы с мамой замолкаем, обратившись в слух.

– Я прибежала посоветоваться, – продолжает Ирина Фёдоровна. – Помнишь, Валюша, я ездила летом в Ялту?

– Конечно, как не помнить, – мечтательно говорит мама, – Я тебе сарафанчик шила. Ткань такая славная была: по бордовому полю белый горох, а по низу чудный купон. Мы тогда не успели к нему блузон сделать.

– Да, точно. Я тогда замечательно отдохнула и познакомилась с приятным мужчиной. Когда он меня увидел впервые, я была именно в том сарафане. Лёгкая у тебя рука, Валя. Но не будем отвлекаться на детали. Слушайте дальше.

– Ира, ты до сих пор молчала! – укоряет мама. – Какая же ты скрытная оказывается!

– Валюша, ну что было зря болтать? Погуляли, позагорали, сходили в театр и всё. Даже полноценным курортным романом не назовёшь. Знаешь, как это обычно бывает...

– Ну, откуда же мне знать, – кокетливо возражает мама, косясь на закрытую дверь. – Я чаще всего с мужем езжу. Давай о тебе, Ирочка. Больше не отвлекаемся на пустяки!

Я подмечаю, как в глазах мамы блеснул отсвет тайны, элегантно недосказанности, и понимаю, что знаю о ней не всё. Мне мучительно хочется приобщиться к взрослым женским секретам, но я чувствую, что мое время ещё не подошло.

– Прости, Валя, – поправляется подруга. – В общем, я из Москвы, а он из Запорожья. Обменялись адресами. Он спросил, отвечу ли я, если он мне напишет. Я сказала ему, что лучше не загадывать и не давать опрометчивых обещаний. Пусть каждый вернётся к себе домой, к обычным делам, а там разлука покажет, захотим ли мы новой встречи.

– Благоразумно! – оценивает мама.

– Он довольно пылко обещал написать или позвонить, – продолжает Ирина Фёдоровна. – Я вернулась. Неделя, другая прошла. Ни звонка, ни письма. Осень пролетела, зима подступила. Я подумала, что Новый Год опять без мужчины в доме встречу. Запретила себе думать про него. И вот не далее, как вчера... Да, именно вчера...

– Что, что вчера, тётя Ира? – я заёрзала на месте.

– Звонит к нам в дверь почтальонша. Молоденькая такая девочка. Я, говорит, приношу свои извинения, потому что по моей вине вы не получили вовремя телеграмму. Оказалось, что в её огромной сумке протёрлась подкладка, и с десятков телеграмм провалились в эту злополучную дыру! Они пролежали там месяца четыре, пока эта дурёха их обнаружила. Девочка плачет, прощения просит. Я её утешаю, а сама читать боюсь.

– А где та телеграмма? – не выдерживаю я.

– Здесь, со мной, – говорит Ирина Фёдоровна и достаёт мятый листочек.

Я выхватываю его и читаю вслух:

– Скучаю. Ты мне дорога. Прошу позволения приехать. Сообщи своё решение телеграммой или позвони. Твоё молчание сочту за отказ. Павел.

– Девочку я отпустила с миром, а сама перечитываю послание уже почти сутки. Ночью плохо спала. Ведь он понял так, что я не желаю его видеть! Я же не ответила! – резюмировала Ирина Фёдоровна.

– Вот как вышло! – воскликнула мама. – Ира, надо принимать срочные меры. Давай звони ему. Прямо сейчас.

– Валя, вдруг он сам уже передумал? – засомневалась тётя Ира. – Ведь такие мужчины долго одинокими не бывают. Как быть, девчонки?

– Ириночка Фёдоровна, а он вам очень нравится? – подаю я голос.

Ирина Фёдоровна задумывается. Постепенно её лицо озаряется изумительной улыбкой, и она произносит со значением:

– Он очень хорош собой и вместе с тем основательный, серьёзный. Подтянут, волосы с проседью, ловок, умён, начитан. Мой типаж!

– Так давайте действовать! – призываю я.

– Я боюсь, – на выдохе произносит Ирина Фёдоровна. – Я уверена, он давно уже утешился с другой женщиной.

– Ира, прекрати! – строго приказывает мама. – Я не пойму – он порядочный человек или Дон Жуан какой-то, искатель приключений? С чего ты взяла, что он уже несвободен? Тебе он нужен?

– Нужен... – признаётся тётя Ира. Самые значимые вещи она произносит шёпотом. Видно, ей кажется, что если кричать о чувствах, как в молодости, то можно спугнуть робкое счастье.

– Звони! – напористо требует мама. – Какая нам разница, что там у него сейчас? Не свободен – освободится! Давай лучше продумаем, как начать разговор, не теряя лица.

Ещё минут пятнадцать мы горячо обсуждаем, как лучше и короче объяснить ситуацию запорожскому Павлу. Потом провожаем Ирину Фёдоровну в спальню моих родителей и оставляем её там наедине с телефонным аппаратом.

Проходит минут двадцать. Раскрасневшаяся тётя Ира распахивает дверь.

– Поговорили... – шёпотом объявляет она. – Павел выезжает через неделю.

– Юра, у нас есть шампанское? – громким торжественным голосом спрашивает мама у отца.

– Да, – недоумевает папа. – Достать? Будем что-то отмечать?

– Неси! – велит мама. – Непременно будем!

Вино не успели толком охладить, и пробка выстреливает в потолок. Тепловатое шампанское празднично пенится, переливается через край высоких богемских фужеров. Мы пьём полусладкое вино, смеёмся и поочерёдно обнимаемся. Зацелованный папа, наконец, мягко улыбается. Ему это очень к лицу. Бабушка опять вытирает слёзы. Она предпочитает тихо оплакать любое событие. Так уж она устроена. Всё это напоминает недавно прошедший Новый Год, и немного кружится голова.

– Девочки, он сказал мне – позволь считать тебя моей невестой! – сообщает тётя Ира новую важную подробность.

– Ура, у нас ещё одна невеста! – радуюсь я. – Мы с тётей Ирой выходим замуж!

– Я так долго ждала этого, что не верю... – опять шепчет тётя Ира. – Вам спасибо. Одна бы я не решилась ему звонить.

Голос моей любимицы чуть низковатый, чувственный и счастливый.

Папа включает музыку. Мы кружимся с бокалами по гостиной. Необычайное ощущение счастливых перемен захватывает и окрыляет.

– Чью свадьбу сыграем раньше? – смеётся папа. Морщинки вокруг его глаз разбегаются лучиками, и мне опять хочется его поцеловать.

– Конечно, тётя Ира первая! Ведь она ждала этого дольше, чем я. Я могу ещё потерпеть! – громко выкрикиваю я.

Взрослые почему-то вдруг замолкают и рассаживаются по гостиной кто куда.

– Что ты, девочка, – мягко возражает Ирина Фёдоровна. – Не надо шутить такими вещами.

– Только после вас, – звонко выпаливаю я. – Вначале вы, а потом я. И ко мне на свадьбу вы явитесь вместе с вашим Павлом. Как, кстати, его отчество?

– Отчество у него – Иванович. Речь сейчас о тебе. У тебя всё решено, заявление в ЗАГС, – убеждает меня тётя Ира. – У тебя это первый и, дай бог, последний брак. А я уже стреляный воробей. Сложится, так сложится, а если нет, так мне не привыкать. Поживём – увидим.

– Нет-нет, – меня охватило озорное упрямство. Не иначе шампанское ударило в голову. – Только после вас! После вас с Павлом Ивановичем!

Когда Ирина Фёдоровна уходит, мама набрасывается на меня с упрёками:

– Как ты могла? Что на тебя нашло? Я очень люблю Ирину, но в какой зависимости от её личной жизни твоя свадьба? Есть вещи, которыми нельзя шутить!

– Всё будет хорошо! – говорю я встревоженной маме.

У меня кураж. Меня не остановить. Мама с досадой машет рукой и уходит к себе в комнату.

Поздно вечером, уже лёжа в постели, я слышу, как за стеной всхлипывает мама, а отец баюкает и утешает её, как девочку. Она конечно устала. На ней такой груз забот и ответственности! Я могла бы встать и, босая, как в детстве, прошлёпать в их спальню, виновато уткнуться носом в тёплое мамино плечо. Но я уже достаточно взрослая, чтобы понять, что иногда нежность отца ей нужнее. Их любовь не остыла с годами. Она не полощется, как знамя на ветру. Чувства родителей витают в нашем доме, накрывая нас всех собой, словно тёплым легким одеялом. Пока они любят друг друга, дом живой. Моя новая семья будет немного похожа на эту, в которой я выросла, а немного на ту, в которой воспитан мой будущий муж. Я засыпаю, обессиленная от ошеломительных впечатлений зимнего дня.

Вскоре Ирина Фёдоровна привела к нам Павла Ивановича. Человек вошёл в дом, и мы сразу поняли, что он нам не чужой. Его добрые глаза лучились дружелюбием. Вместе с Ириной Фёдоровной они составили красивую, зрелую, гармоничную пару. Было даже досадно, зачем же так долго отсутствовал этот замечательный, близкий нам всем человек.

Избранник тёти Иры улучил момент поговорить только со мной.

– Ирина рассказала мне о твоём условии насчёт очередности наших свадеб, – очень серьёзно, вполголоса начал Павел Иванович. – Можешь на меня положиться, я не подведу. Мы распишемся в конце февраля, а потом уж я поеду обратно в Запорожье уладить все свои дела. Конечно, мы отметим это событие в очень узком кругу. Твоё бракосочетание в конце марта – верно?

– Да.

– Ну, так я успею уже вернуться из Запорожья. На твоей свадьбе погуляем, как положено! Идёт?

– Идёт! Я так рада за вас! – горячо зашептала я ему в ухо. – Я не сомневаюсь, что всё сложится наилучшим образом. Большое вам спасибо.

– Это тебе спасибо, деточка, – ответил он. – Знаешь, люди в нашем возрасте склонны затягивать решение своих семейных вопросов на годы, плыть по течению. Нерешительность, осторожность, необязательность присуща многим. Как знать, если бы не ты со своим заявлением, может, и мы бы не спешили с Ириной оформлять свои отношения. Ведь у меня в Запорожье квартира, работа. Не раз ещё придётся съездить туда. Всё растянулось бы надолго. А уж раз так вышло, то я, как честный человек, обязан поторопиться с женитьбой ради тебя.

Значит, так тому и быть. Всё делается к лучшему. Знаешь что? Пусть эти слова будут нашим девизом – идёт?

– Да! – согласилась я. – А дети у вас там есть?

– Есть, но уже взрослые, самостоятельные. Они в порядке, не волнуйся.

– Вы посмотрите на них! – мама обнаружила нас. – Шепчутся, секретничают, как ни в чём не бывало. Надо же!

– Не мешай им, пусть поговорят! – подмигнула ей подруга, и они оставили нас в покое.

– Павел Иванович, мне кажется, что та девушка, почтальон, тоже всё-таки молодец, – заметила я. – Другая нашла бы телеграммы и просто выбросила их, а она не побоялась упрёков, разнесла, повинилась. Надо бы её поблагодарить.

– Я уже думал об этом. Обязательно загляну на почту, – заверил он.

Павел Иванович сдержал своё обещание. Их бракосочетание состоялось 22 февраля. На мою свадьбу 30 марта они прибыли законными супругами.

Будущим поколениям нашей семьи повезло: им достанется в наследство огромная кипа снимков. Свадебные фотокарточки пожелтеют от времени, причёски и костюмы гостей выйдут из моды, но лица будут светиться радостью. В бокалах с шампанским останется отражение мартовского солнца. На мне – платье из моих девичьих грёз: сквозь белый туман шифона сквозит розовый блеск атласа. Пояс удачно подчёркивает талию. На голове – веночек из мелких цветочков, усыпанных блёстками. Платье мне сшила мама. У неё лёгкие золотые руки.

Как снег на голову

Извечное женское дело: придиричливо осмотреть своё отражение в зеркале перед выходом из дому. Услужливое стекло вероломно лжёт: «Хороша! И это яркое пальтецо ловко сидит! И как оно к лицу!» Зеркало мне льстит: я выгляжу моложе своих лет. Это и хорошо, и плохо. Душа застряла в студенческом прошлом, молодится, а обстоятельства жизни давно изменились. Мама часто журит меня: «У тебя не юбки, а носовые платки. Одевайся строже, солиднее, не сбивай людей с толку. Да и себя тоже». Но я продолжаю носить юбки выше колена, хоть мне немного за тридцать.

А ещё в этом глупом стекле не отражается выпавший снег, потому что в прихожей нет окон. Сегодня на улице белым-бело, и моё пальто не по сезону.

Ночью, под утро, зима взяла город штурмом, застав всех врасплох: дорожные службы, водителей и пешеходов. Она безжалостно вымела следы рыжей красавицы осени, запорошила просторы искрящимися хлопьями. Раньше, в детстве, при виде снега меня охватывало праздничное возбуждение: я предвкушала катания на санках, коньках, скорый Новый год и подарки. Повзрослев, я поняла, что зима – самое недемократичное и самое суровое время года! Летом все ходят на босу ногу, в джинсах и футболках, ситцах и льнах. Все равны! Зимой же везде встречают по одежке: меховое пальто красноречиво говорит о своей хозяйке.

В снегопад нет ничего лучше шубки. Мех нежно обнимал бы меня, ласково согревал, а я с достоинством ступала бы по хрусткому снежку в элегантных замшевых сапожках. Но у меня нет шубы. Есть дублёнка. Она тоже тёплая, но в данный момент находится в химчистке. Я сдала её туда заблаговременно, но её там потеряли. Долго искали, потом, наконец, нашли. Даже обещают почистить и освежить. Чья-то халатность нарушила ход событий. Выпал снег, а я осталась в лёгком демисезонном пальто.

Я стою перед начищенным зеркалом и примеряю всякие шарфики, шапочки, перчатки, обувь... Семья не видит моих терзаний. Муж на работе, сын в школе. А я решаю вопрос: какие надеть сапоги и чем прикрыть голову? Поколебавшись, делаю выбор в пользу здоровья – ноги должны быть в тепле. Не хватало ещё и заболеть!

Мой офис недалеко от дома, всего-то минут тридцать пешком, по улице с красивым названием Люблинская. Я иду, глядя только под ноги и чуть втянув голову. Ветрено. Зябко. Скользко. Я иду специальным шагом, похожим на лыжный ход, исключая падение. Не смотря на мою сосредоточенность, в поле зрения всё же попадают длиннополые шубы отдельных счастливиц. Я ощущаю себя Золушкой на балу тщеславия и подшучиваю над собой. Юмор всегда выручает.

У крыльца нашего здания стоит палатка с фруктами и овощами. Хозяйка товара – Люба. Люба – ЧП, частный предприниматель. Товар у неё всегда отменный. Сама она, улыбчивая и проворная, словно богиня плодородия. Люба не читает умных книжек по психотехникам, но запросто очарует всякого привереду. Мимо неё ежедневно пробегает, семенит и тащится большое количество людей. Предприимчивая Люба давно изучила их привычки и вкусы. Она не только взвешивает бананы и апельсины, но и внимательно выслушивает каждого покупателя. Покупая морковку и яблоки, клиентыверяют ей маленькие житейские тайны. Все довольны. Покупатели получают витамины и облегчают душу, а у Любы совершается товарооборот.

Каждое утро мы обмениваемся любезностями. Это вроде утренней разминки.

– Привет! – салютует мне Люба. – Что это ты так легко оделась? Нынче морозец!

– Да так вышло, дублёнку из химчистки не забрала, – вкратце излагаю я свою проблему.

– Бананы на десерт будешь брать?

– Нет, сегодня пару штук киви давай и вяленый инжир грамм сто, – заказываю я. – Заходи в обед кофе выпить.

– Спасибо, приду. Может быть, даже раньше. Уж очень холодно. Не привычно ещё.

Люба разговаривает со мной, подаёт мне пакет, а глазами уже в контакте со следующим покупателем – солидным вальяжным мужчиной. Она очень нравится таким дядечкам, это её контингент. Я быстро ретируюсь, чтоб не мешать. Сейчас она раскрутит его на большую покупку. «Фруктовая» Люба – баба с мёртвой хваткой. А как иначе, если на тебе двое детей, а на помощь бывшего мужа рассчитывать не приходится.

Мы давно знакомы с Любой. Наши дети ходили в одну группу детского сада. Мы встречались на утренниках, прогуливались с ребятами и делились нехитрыми женскими замыслами. Примерно в одно и то же время нам захотелось по второму ребёнку. Любин муж на этом упорно настаивал, а мой не проявлял особой настойчивости. Люба родила, а я всё раздумывала. У меня тогда вдруг прорисовалась возможность сотрудничать со швейцарской фирмой по поставкам мини-оборудования для точек быстрого питания, и я с азартом взялась за дело. Не бог весть что, но мне было интересно.

Спустя полтора года Люба наладила торговлю овощами-фруктами. Муж её как-то поблёк, не помогал жене, а вскоре и вовсе запил горькую и, не скрываясь, загулял. Плохо ли, хорошо ли, но решительная женщина рассудила, что нянчить и пестовать рефлектирующего выпивоху – непозволительная роскошь. Они разошлись. Любина семья сократилась на одного человека, а в моей семье так и не прибавился новый человечек.

Я работала и продолжала грезить о дочке, а муж не поднимал эту тему. Сын подрастал, с ним хватало хлопот, но нежный образ моей не рождённой девочки иногда возникал и бередил мою душу.

В офисе меня ждёт бухгалтерша.

– Ну, где же вы ходите? – причитает она и подсовывает какие-то отчетные формы, тыча карандашом. – Мне в налоговую инспекцию надо срочно. Ставьте скорее подписи тут, тут и тут.

Я окидываю своих сотрудников взглядом, молчаливо напоминая, что начальство не опаздывает, а начальство задерживается, и приступаю к беглому изучению бумаг, не снимая пальто.

Когда бухгалтер уходит, я разоблачаюсь. Под пальто у меня элегантный костюмчик, скроенный хорошей портнихой Аллочкой. Я меняю сапоги на туфли и становлюсь сама собой.

Самым главным орудием в моей работе является телефон. Бархатным голоском я беседую с клиентами. Деловой тон у меня для поставщиков. Требовательно и даже жёстко я разговариваю со злостными должниками. Особые нотки я приберегаю для чиновников, от которых многое зависит. Модуляции и интонации очень важны в бизнесе.

Мои сотрудники – неплохая команда. В общем, обстановка у нас весьма демократичная. Каждый знает свои обязанности, работает по мере способностей, но мы звёзд с неба не хватаем. Бизнес движется с переменным успехом.

Мою страсть к кофе уважают все, поэтому около двенадцати часов дня меня не отвлекают. Я пью этот напиток неторопливо. Мне важна сама церемония. Красивый бокал, аромат, созерцательность...

Настойчивый телефонный звонок прерывает кофейный ритуал. Мне это сразу не понравилось, а то, что я услышала в трубке, и вовсе привело меня в замешательство.

Вначале незнакомый высокий голос в трубке вежливо уточняет, я ли это, а после моего ответа визгливо заявляет:

– Ты акула! Ты заглатываешь чужих мужей целиком. Ты своим безнравственным поведением разрушаешь семьи, и тебе это так просто с рук не сойдет! Я позвоню твоему мужу и всё расскажу! Пусть знает, с кем живёт!

Пока дама оскорбляет меня, я торопливо соображаю, что бы это значило. Привлекать внимание мне не хочется. Я пытаюсь сохранить видимость делового разговора и отработанным бархатным голосом уточняю:

– А вы не могли бы конкретнее, с именами и фамилиями?

Моя собеседница ответила коротко:

– Стерва!

И бросила трубку.

Вот уж точно – как снег на голову! Вот несправедливость! Я не состою в любовных отношениях, параллельных с семейными узами. У меня нет даже самого вялотекущего романа на стороне. Редкий невинный флирт на благо процветания бизнеса не в счёт.

«Скорее всего, дама что-то перепутала», – решаю я.

Дела уже на ум не идут. День не задался. Очень хочется подойти к зеркалу и рассмотреть себя. Похожа ли я на роковую женщину?

Изучать себя при всех я не могу. На ум приходит стратегическая хитрость: ссылаясь на непогоду, снежные заносы и пробки на дорогах, я великодушно предлагаю всем разойтись пораньше. Уговаривать долго никого не приходится. Вскоре офис пустеет.

Я подхожу к шкафу для документов, на торце которого крепится большое овальное зеркало. В нём возникает моё удивлённо вытянутое лицо. Нет, я не похожа на женщину-вамп. Разве что сменить цвет волос к Новому Году... Всё какое-то разнообразие.

Из своего окна я вижу кусок Волгоградского проспекта и большой отрезок улицы Шоссейной. Тут район Текстильщики, там уже Печатники. В такие места гостей столицы на экскурсии не возят. В хорошие-то дни здесь вечные пробки, а по такой погоде и вовсе основательный затор.

Зима празднует победу, куражится. Снегопад не ослабевает. Машины еле движутся, фары включены. Одна иномарка представительского класса свернула к нашему крыльцу. Из неё выходит мой знакомец Саша Леонов. Мы давненько не виделись, и я удивлена. Шутница-зима намела, навьюжила сюрприз. Домой поеду медленно, но на хорошей машине.

С Сашей мы познакомились, когда он с другом учредил брокерскую контору и подбирал сотрудников. Им требовался технический секретарь. Я искала работу и решилась попробовать.

Совместная работа сплачивает. Раскрываются характеры, проявляются привычки. Саше всегда остро необходимо поделиться радостью покупки. Разделённое чувство приятно вдвойне. Я подхожу для этого, так как лишена зависти. Я умею слиться в ощущениях и ликовать как за себя. Мы уже года три работаем в разных фирмах, но с возрастом всё труднее менять привычки и привязанности. Изредка заезжая ко мне, он придумывает повод для встречи. Я подыгрываю ему, делаю вид, что верю в надуманную причину. Мне нравится эта невинная игра.

– Ну, ты оделась, девушка! – бросает мне Саша, когда я появляюсь на крыльце. – Давай, садись! Поехали! Дверью не хлопай! Не грузовик!

Саша щеголяет лёгкой грубостью речи, нарочитым небрежением правилами этикета. Я не нахожу в этом никакого мужского шарма, я вижу чуть глубже защитного панциря, я знаю Сашу со всеми внутренними комплексами и противоречиями. Но он надёжный товарищ, а это важнее.

На заднем сиденье лежат три юные гвоздики и связка жёлтых бананов.

– Это мне? – спрашиваю я.

– А то кому? – отвечает он резким вопросом на вопрос.

– Как трогательно и приятно! – восклицаю я, располагаясь в мягком, уютном кресле.

Красивая, почти бесшумная и послушная, как японская женщина, машина поплыла по проездам и улочкам в объезд заторов. Мне тепло. Я избавлена от колкого снега, скользкой дороги и недоумённых взглядов на моё пальто. Я чувствую себя королевой. Саша доволен: он сумел подарить мне ощущение защищённости и значимости. Мы очень мало говорим, больше молчим. Я вижу его профиль, лёгкую улыбку на губах и замечаю его гордость. Тихая, маленькая, хрупкая тайна рождается из множества флюидов. Тонкая меланжевая нить наших необычных отношений вьется и сворачивается клубочком где-то рядом, на заднем сиденье, среди бананов и гвоздик.

На улице я бы выглядела студенткой-неудачницей. Повсюду надменно дефилируют дамы в мехах и замше. Когда мы останавливаемся на сигнал светофора, перед самым капотом машины переходит дорогу дерзко дорогая шуба. Голубая норка струится, ниспадает, что называется, «об пол», а сверху всё великолепие венчается песцовой шапкой. Я невольно слежу за дамой глазами.

– Жена, – спокойно замечает Саша.

– Чья жена? – успеваю спросить я.

– Моя, – так же обыденно отвечает он.

Шуба тоже приостанавливается, из-под роскошного песца выглядывают два округлых серых глаза и остренький носик.

«Миленькая» – отмечаю я про себя, а вслух говорю:

– Надо её пригласить в машину.

– Сейчас посадим, – невозмутимо соглашается Саша.

Он направляет машину в разворот и, ловко съезжая с дороги, оказывается прямо перед женой.

– Ира, садись, – приглашает Саша, не выходя из машины и не подавая ей руки. Это его коронный стиль – небрежность.

Ира долго устраивается на заднем сиденье, рядом с натюрмортом из цветов и фруктов. Наш трогательный клубочек отношений выкатывается на улицу, падает прямо в снег. В салоне возникает холодная напряжённость.

– Я вам помешала? Могли бы не останавливаться! – нервно говорит Ирина, а я с удивлением замечаю, что её голос мне знаком.

– Ты домой? – спрашивает Саша ровным голосом.

– Я-то домой! А вот ты куда?! – Ирина говорит визгливо, и я отчётливо припоминаю, что слышала этот голос сегодня по телефону! Мне становится смешно от двусмысленности ситуации. Я ничего не понимаю. Не могла же она знать заранее, что её муж заедет за мной. Я и сама не знала этого. Я едва сдерживаю смех, только улыбаюсь, как шаловливая школьница, и дружелюбнее говорю:

– Вас зовут Ирина? Очень приятно! Нам как-то не доводилось раньше встречаться. А я Зоя.

– А уж мне-то как приятно! – с едким подтекстом восклицает она, словно приглашая к скандалу.

Я замечаю, что у неё дрожат губы, и она вообще может расплакаться. Этого только не хватало!

– Ириш, ты бы успокоилась. Сейчас домой поедem, – мирно говорит Саша. – Мне только надо колесо посмотреть. Что-то показалось, будто прокол.

У мужчин своя логика и иная система ценностей. И полушария мозга у них работают по очереди, а это значит, что все мысли Саши сейчас только о колесе, и всё остальное померкло.

Мы остаёмся вдвоём с Ириной. Я продолжаю улыбаться, не совсем понимая, в какую пьесу влипла.

– Кому цветы? – с ехидством в голосе интересуется Ирина.

– Наверно вам! – беззастенчиво лгу я, и это святая ложь, так как у неё глаза на мокром месте.

– Мы поссорились утром! – доверительно сообщает она.

– Так, значит, он решил помириться! – уверенно заявляю я.

– А бананы кому? – спрашивает она.

– Тоже вам! – бодро лгу я.

– Я их терпеть не могу! – на высокой ноте заявляет она и выбрасывает банановую связку прямо на снег. Теплолюбивые плоды обречённо шлёпаются. У них незавидная судьба: на таком морозце они вскоре затвердеют и почернеют.

Я пожимаю плечами. Мою жизнерадостную улыбку можно бы уже и свернуть, но она прочно приклеилась и тянет все лицевые мышцы в стороны. В голове верится мотивчик песни «Яблоки на снегу».

– Он, наверно, просто запомнил, что вы любите, – плету я. – Мужчины бывают такие несуразные!

– Настолько запомнил, что он ещё и вас привёз с бананами вместе! – выпаливает она. По телефону она мне грубо тыкала, а тут снизошла до местоимения «вы». Уже прогресс в наших непростых отношениях.

– А я случайно попалась ему на пути, – беспечно сообщаю я.

– И часто вы ему подворачиваетесь?! – грозно вопрошает Ирина.

Страсти накаляются. Похоже, близится финал и апофеоз.

– Крайне редко! – спешу я заверить. – Мы ведь давно не работаем вместе, так что всё происходит по воле случая.

Не смотря на агрессивность Сашиной жены, я не держу на неё зла. Мне очень хочется утешить Ирину, убедить, что я не посягаю на чужой семейный очаг. Мысли вертятся в голове, но подходящая фраза не образуется. Остаётся улыбаться.

– Чего бананы выбросили? – спрашивает вернувшийся Саша. Он будто бы не замечает раздражения жены.

– Захотела и выбросила! – с вызовом заявляет Ирина. – Если они не мне, а твоей подруге, то можешь подобрать!

Я замечаю, что она чуть сощурила глаза и разглядывает меня с превосходством шикарно одетой женщины. Ощущение такое, будто по мне шарят лучом фонарика, но я не в претензии. Я без труда считываю её скачущие мысли и радуюсь, что мой нелепый вид позволяет Ирине торжествовать. Моя проблема с одеждой оборачивается удачей.

– А вы, похоже, высокая! – говорит она. Изучает меня в подробностях.

– Мой рост – метр семьдесят два, – сообщаю я.

– Высокая! – подтверждает она. – А я всегда маленькая была!

Я не понимаю, какое это имеет значение, но Ирина немного утешается.

– Успокоилась? – спрашивает Саша. – Я тебя первую домой заброшу, а потом Зою отвезу.

– Капусту купи для борща на обратном пути, – по-хозяйски распоряжается Ирина. Она садится удобнее, расстегивает шубу и подносит к лицу мои гвоздики. А я не возражаю, мне не жалко.

Когда мы остаемся с Сашей вдвоём, я вопросительно смотрю на него. Он всё понимает.

– Мы ругались с утра. Я сказал ей, что уйду, – нехотя поясняет он.

– И что? – подстёгиваю я.

– Она спросила, к кому. Я сказал, что к тебе. Вот и всё.

Ничего не изменилось. Только зимние сумерки за окном стали гуще и повсюду замельтешили огни вывесок и фонарей. По всем правилам житейской драматургии я должна сказать ему что-нибудь вроде: «Ты с ума сошёл!».

Но я спрашиваю:

– И как, помогло?

– Как видишь! – с усмешкой говорит Саша. – Ты не обижайся, ладно? Втянул тебя зачем-то. Она достала меня ревностью и бесконечными допросами. У меня уже такое ощущение, что моя Ирка за каждым кустом сидит.

– Это же любовь наверно, – предполагаю я.

– Такая что ли любовь должна быть?! – восклицает он в сердцах.

– Она у всех разная. Ты уже большой мальчик, Сашенька, должен бы понимать. Женат тоже уже давненько.

– Вот когда ты мне что-то говоришь, я как-то сразу всё понимаю. А с ней мы вечно спорим, выясняем, и выяснить не можем!

Я не отвечаю. Иногда полезно помолчать и подумать. У каждого из нас есть свой маленький мирок, заселенный близкими людьми, пронизанный коммуникациями долга, привязанностей, привычек, памяти. Когда судьба свела нас в общем деле, быстро сделалось очевидным, что нам не требуется многословие. Какая-то едва различимая мелодия начинает звучать сама собой в тишине, и вьётся, вьётся прозрачная нить тайного волшебства. Всё невнятно, воздушно, едва уловимо, что едва ли возможно сохранить надолго...

Как-то одна сотрудница сказала мне: «Слушай, я стояла между вами и ощущала себя в слабом магнитном поле! Что бы это значило?» Я, конечно, тогда отшутилась, но вскоре решительно уволилась из брокерской конторы. Я испугалась самой возможности служебного романа.

– Слушай, ты меня простишь? – Саша выдёргивает меня из раздумий своим вопросом. – Ну, такой я дурак, стыдно даже! Подставил тебя. Соскочило с языка.

– Сашка! Друзья для того и существуют, чтобы выручать во всяких житейских ситуациях, – говорю я ему. – Выброси из головы. Ирина отыгралась на мне, сбросила боезаряд, и всё у вас уладится.

– Нет, она ещё нервы мне помочает! – предвкушает он. – Но уже не так остервенело, ты права. Да, надо как-то регулировать отношения с женой. Дети видят, особенно младший.

– Ты ей больше внимания уделяй, слов ласковых не жалея, – наспех советую я.

– Я на слова не мастер, ты знаешь.

– Да знаю...

– А как тебе машина моя новая? Я же заезжал тебе её показать! – спохватывается Саша у моего подъезда.

– Машина – класс! – весело заявляю я. – В жизни на такой тачке не каталась!

Его удивительные, лунные, с поволокой, глаза сияют. Он достиг всего, к чему стремился. Или почти всего.

В прихожей меня встречает вся семья: муж, сын, кот Кузя. У сына мои распахнутые зелёные глаза, мой чуть большеватый рот, аккуратный нос мужа, а волосы курчавятся, как у отца, но жёсткие и густые, как мои. Я люблю разглядывать его физиономию.

– Мы забеспокоились, – говорит муж. – Звонила какая-то женщина, что-то бормотала, будто ты куда-то уйдёшь или уедешь. Я не понял, стал звонить тебе на работу, а там вообще никого! У тебя срочная командировка?

– Нет! – я весело отвечаю и скидываю пальто, стягиваю сапоги.

Кот бежит вокруг, радостно обнюхивает меня, трётся об ноги. Муж подхватывает пальто.

– Так кто же мне звонил? – удивляется он.

– Наверно ошиблись номером! – лукаво заявляю я.

Троица моих мужчин внимательно следит за мной глазами, стоит, словно свита. Я чувствую себя королевой в окружении придворных. Я счастливо улыбаюсь и вдруг отчётливо вижу рядом с сыном свою не рождённую дочь. Она беззвучно смеётся, и весёлые кудряшки пляшут у неё на лбу. Она такая красавица! Жаль, что они пока не видят её.

Комедия положений

Самолёт приземлился в Домодедово. В салоне раздались громкие хлопки в честь экипажа. Я присоединилась с удовольствием. Меня радовало всё: мягкая посадка, солнце за стеклом иллюминатора, большие буквы на крыше аэровокзала – МОСКВА. Я люблю летать и люблю возвращаться в Москву. Я всегда смотрю на эти гигантские буквы. В них мне видится скользящая улыбка большого города.

Когда перелетаешь с востока на запад, получаешь как бы временной бонус из-за разницы часовых поясов. Я вылетела из Екатеринбурга в 7-00 и в Москве очутилась в тот же час! День только начинался: весенний, тёплый, многообещающий. Неясные, но приятные ожидания волновали и бодрили, хотя тогда я даже не догадывалась, какие невероятные события вскоре последуют – одно за другим!

Из аэропорта до города я предпочитаю добираться на автобусе, а не на такси, но вовсе не из-за цены проезда. В таксомоторе обычно пахнет табаком, и очень давит биополе водителя. Ведь ехать примерно час, а мне не всё равно, с кем и как я проведу этот маленький отрезок жизни. Автобусы сейчас вполне комфортабельные, сидишь высоко и видишь далеко. Можно любоваться видами из окон и неспешно структурировать мысли.

Я возвращалась с форума молодых журналистов. Эта профессия не проста, она владеет мной круглые сутки. Я постоянно подбираю слова, нанизываю их, как бусины на нитку, любуюсь фразой, пробую и щупаю её, верчу так и этак. Потом я безжалостно стряхиваю бусины с нитки и набираю опять, уже в новом порядке. Если выражение получается удачным, оно попадает в запасники: в блокнот, в компьютерный файл, наговаривается на диктофон или просто хранится в памяти мозга. Как придется. Я проделываю подобные упражнения почти постоянно. Это мой труд и хобби одновременно.

У меня есть амбиции и мечта. Я хотела бы занять своё печатное издание! Моё любимое занятие – мысленно выстраивать концепцию собственного журнала, продумывать рубрики. Чем чёрт не шутит? Вдруг когда-нибудь наработки пригодятся, и мир оценит мой независимый взгляд на события и факты.

Я живу на Можайском валу. Название звучит значительно, но улочка совсем небольшая. Была суббота, день, когда москвичи обычно всласть отсыпаются после рабочих буден. Город выглядел непривычно малолюдным и спокойным. Эти редкие часы тишины и безмятежности я очень ценю.

Я уже приближалась к дому, как вдруг услышала сзади шорох шин по асфальту. Пришлось оглянуться. Чуть поодаль, почти вровень со мной очень медленно двигалась красивая машина – серебристый «Фольксваген Гольф». Я остановилась: может, водитель приготовился к повороту во двор? Здесь у нас несколько тесновато. Автомобиль тоже остановился, из него проворно вышел мужчина и сделал решительный шаг ко мне.

Когда в поле моего зрения попадает новая личность, я мысленно начинаю вести блиц-репортаж, комментируя события. Так я тренирую способности. Об этом человеке я молниеносно подумала: «Из чрева элегантной немецкой машины появился пижонистый брюнет в джинсах и пиджаке в полосочку с лукавинкой в глазах. Явно не робкого десятка». И пока больше ничего.

– Девушка, вы не подскажете, как лучше доехать до театра Эстрады? – спросил он.

Я бросила взгляд на номер машины. Он сообразительно перехватил его и быстро поставил отвести мои скороспелые сомнения:

– Я москвич, но живу далеко отсюда. Атлас забыл дома. Так не подскажете?

Конечно, можно было отрицательно помотать головой и уйти. Но я имею маленькую слабость – обожаю объяснять, как пройти и проехать по любимой Москве! Тут он попал в точку – я хорошо знаю город и вполне могу выручить автомобилиста.

Я поставила сумку на асфальт и стала увлечённо излагать схему проезда. Улыбка не сходила с лица незнакомца. Выслушав, он непринуждённо поинтересовался:

– А не составите мне компанию? Боюсь, я не запомнил. Вы мне поможете, а потом я вас отвезу обратно. Можем, кстати, заодно купить билеты в театр и встретиться ещё вечером.

Весьма находчивый оказался пижон! 1:0 в его пользу! Он разговаривал запросто, словно мы хорошо и коротко знакомы, и несколько обескуражил меня таким обращением. Я рассмеялась в ответ. Мне стало безотчётно весело.

– Правда, а почему бы нет? – мягко настаивал он. – Не знаете случайно, что там идёт?

– Случайно знаю! – заявила я. – Спектакль «Ужин с дураком»! Комедия положений.

– С вами приятно общаться, вы – знаток театра! – польстил собеседник. – Так как вам моё предложение? Выручайте! У меня в том районе важное дело, но, правда, ненадолго.

Его кураж заразил меня, как вирус. Мысль о поездке с совершенно незнакомым человеком не показалась мне разумной, но грубо отшивать его не хотелось. Мужчина был сама галантность, и ситуацию требовалось элегантно разыграть. Чем не утренняя разминка интеллекта? Всякое общение обогащает коммуникативный опыт.

Но ситуация изменилась прямо на глазах! Со стороны улицы Дорогомиловской к нам с возгласами приветствия спешила приятная немолодая чета, видимо супружеская.

– Вадим! Какими судьбами в этих краях в такую рань? Здравствуй! – обратилась к моему собеседнику эффектная дама. Сразу можно было заметить, что в семейном дуэте у неё первый голос. Её муж лишь выразительно прокашлялся и покивал головой.

– Доброе утро, тётушка и дядюшка! – подчёркнуто вежливо отвечал Вадим.

Я оказалась в центре странной компании. Расталкивать почтенных людей и рваться на свободу было неудобно. Оставалось переждать их любезные реплики. Они же шли куда-то, скорее всего на рынок. Я вертела головой, улыбалась, а сама уже нещадно корила себя за свою дурацкую привычку всё растолковывать на улицах незадачливым прохожим и проезжим. Подделом мне!

– Как твои успехи? – с преувеличенной озабоченностью поинтересовалась дама у Вадима. – Сам знаешь, что я имею в виду.

«Так, – иронично подумала я. – Это может затянуться надолго. Надо извиняться и уходить». Я потянулась, было, к своей сумке, но Вадим вдруг резко схватил меня за запястье. Крепко, почти до боли, сжимая мою бедную руку и продолжая вежливо улыбаться родственникам, он заявил:

– Познакомьтесь, Элина Васильевна, это моя жена.

Такой немой сцене позавидовал бы сам покойный Николай Васильевич Гоголь! Замерли все, исключая Вадима. Мой мозг забарахлил, как заражённый вирусами компьютер, пытаюсь просканировать фразу. Глупая улыбка зависла на лице, как картинка на мониторе, я же судорожно подыскивала верные слова. Первой опомнилась дама:

– Ну, это же категорически меняет дело! – как-то многозначительно сказала она. – Мы поздравляем тебя! Мы первые раскрыли твою маленькую тайну!

– Спасибо, дорогая тётя! Мы ещё отметим это событие достойным образом, – заверил её коварный Вадим.

– Непременно! – ожил от потрясения муж Элины Васильевны. – Ведь ты завтра приедешь на наш хутор?

– Обязательно! – пообещал племянничек.

– А как вас зовут, милочка? – обратилась ко мне женщина. Глаза её загорелись неприкрытым любопытством. Она просто пожирала меня глазами. Было очевидно, что уважаемая Эллина Васильевна готова вывернуть меня наизнанку, если б не светские приличия.

– Рита, но я...

Вадим быстро смекнул, что я начну возражать, и коротко сдал мне руку, давая понять, что лучше не произносить ни слова. Затем он интимно наклонился ко мне, слегка целуя волосы сзади. Я предпочла потерпеть его нежности, только чтоб он не сломал мне кость предплечья. Наверно, мы выглядели со стороны одуревшими от счастья молодожёнами, потому что пожилой господин сказал:

– Вы очень симпатичная пара! Надеюсь, мы скоро увидимся, а сейчас нам пора. Мы ведь шли на рынок, дорогая, ты не забыла?

– Непременно завтра встретимся! – пообещал Вадим им вслед.

Как только они удалились, я вырвала руку и набросилась на него:

– Что вы себе позволяете? Вы злой шутник, как я посмотрю! Зачем вы держали меня? Вы делали мне больно!

Меня уже не заботило, как я выгляжу. Я сбрасывала остатки нелепого оцепенения, выплёскивая перегретые эмоции. Оставалось улизнуть во двор и поскорее забыть этот престранный случай, бессовестного пижона в модном полосатом пиджаке вместе с его чудными родственниками.

Однако наглая улыбка сошла с его лица. Вадим выглядел искренне огорчённым и виноватым, и этим опять вызвал моё недоумение.

– Простите, ради бога простите! – горячо обратился он. – Я вам всё объясню. Вы очень выручили меня сейчас, сами того не подозревая. Ну, не смотрите на меня так свирепо, Рита! Я искуплю свою вину любым способом, который вас удовлетворит. У меня всё так сложно в жизни! Я теперь не отстану, я должен отблагодарить вас за терпение. Говорите, приказывайте! Я жду.

В его голосе звучала непритворная мольба. От него веяло непростой тайной, отчаянием, исключительностью и очень дорогим парфюмом. Я колебалась, он заклинал глазами. «Шаг в сторону – и я окажусь в своём привычном мирке. Шаг навстречу – и я вступлю в неведомые отношения. Зачем мне эта вовлечённость в сумрак чужих проблем?», – мелькнуло в голове. Наверно, во мне зашевелилась профессиональная пытливость, а наша журналистская братия, как известно, авантюрна. Я примирительно сказала:

– Не буду вас сильно наказывать, если всё же объясните, что происходит.

– Теперь мне придётся это сделать, – корректно ответил Вадим. – Едем?

– Подождите, дайте мне переодеться с дороги, вещи оставить. Я ведь из аэропорта.

– Я вас жду в машине. Полчаса вам хватит?

– Думаю, да.

До театра Эстрады долетели с ветерком. Сидя в автомобиле и наблюдая за действиями Вадима, я вначале ощутила лёгкое довольство своим умением пояснять дорогу, но вскоре досадная догадка обожгла меня. Так безоглядно вести машину мог только тот человек, который отлично знает местность. Он обманул меня! Зачем? Что кроется за его поступками? Что я знаю о нём, кроме его имени и марки авто? Так обвести меня вокруг пальца!

Счёт мгновенно изменился. Он стал 2:0 в пользу пижона.

В печально знаменитом доме на набережной у него было какое-то дело. Он исчез в одном из подъездов, предварительно извинившись и предусмотрительно заперев меня в машине.

Впрочем, Вадим не заставил себя долго ждать.

– Вот и я! – сказал он, усаживаясь за руль. – Теперь я ваш безраздельно. Предлагаю поехать и поговорить в спокойной обстановке. Может, нам позавтракать в каком-нибудь ресторане? Какая кухня вам по душе?

– Я плотно позавтракала в самолёте, еще не проголодалась, – решительно отказалась я. – Давайте поговорим где-нибудь на свежем воздухе. Погода чудесная! Хочется подышать.

– Тогда предлагаю отличное место – парк Искусств! – сказал Вадим.

Моя догадка подтвердилась – он прекрасно знал город.

Мы оставили машину у Дома Художников и направились в парк. У подножия «железного» Феликса – огромного памятника чекисту, который когда-то возвышался на Лубянской площади – присели на скамью. «Удачное местечко для исповеди!» – подумалось мне.

– Ваша история длинная? – поинтересовалась я.

– Думаю, да, – ответил Вадим. – Наберитесь, пожалуйста, терпения.

– Тогда слушаю, но предупреждаю, что буду часто перебивать для уточнений.

– Сколько угодно, – великодушно согласился Вадим и начал свой рассказ. – У меня два брата, мы работаем под началом своего отца. Отец – владелец нескольких фирм и глава всего семейного бизнеса. У нас небольшая розничная сеть магазинов парфюмерии, одежды, оптовая торговля товарами и своё кадровое агентство. Наши отношения с братьями нельзя назвать породственному тёплыми, но зато мы отлично срабатываемся под руководством отца. Каждый чётко выполняет свою функцию.

– Какой молодец ваш папа! – восхитилась я. – Как же ему удалось выстроить такой обширный бизнес?

– Трудно было поначалу. Открывать одну за другой фирмы с опробованной системой работы уже легче. Главное – правильно подбирать и расставлять людей. Это он освоил ещё в советские времена. Знаете, чтоб от каждого максимально по способностям...

– А каждому – по потребностям? – пошутила я.

– Всем не угодишь никогда, но у нас решающее слово за отцом, а мы убедились, что так лучше для всего клана. В нашем холдинге ещё столько родственников, и все не бедствуют! Смогли бы они сами добиться такого успеха без моего отца – ещё вопрос! В этом году папа решил отойти от дел и выделить каждому какое-то направление. Он видит, что таким непрекаемым авторитетом, как у него, никто из нас не обладает и некому сохранить холдинг в его нынешнем виде.

– А нельзя старшему брату заменить отца? – перебила я.

– Я и есть старший брат, – сознался Вадим. – Пожалуй, проблема в том, что у всех троих детей разные матери. Да-да! Папаша везде преуспел по жизни. Моя мать умерла очень рано, ещё вон при нём.

Вадим махнул рукой в сторону изваяний генсеку КПСС, Леониду Ильичу Брежневу. Прямо на нас из-под знаменитых широких бровей смотрели два каменных близнеца, свезённые сюда из разных концов Москвы.

– После смерти мамы он пытался образовать подобие первой нашей семьи, но, увы, ничего похожего не получалось. Папа разводился с жёнами, но детей не забывал. Нас он рано приобщал к делу, но близкими в полном смысле этого слова мы не стали.

Вадим замолчал, задумался. Мне же не терпелось:

– Итак, ваш папа делит свой холдинг между вами. И что же? Возникли непримиримые споры?

– Нет, споров он не допустит. Кто рискнёт пререкаться, может остаться вообще ни с чем. Всё будет, как он скажет. Он поставил главное условие – каждый из нас должен обязательно иметь семью. У него просто мечта – видеть каждого из сыновей счастливо женатым. Он считает, что хороший семьянин будет стараться работать ради детей ещё лучше.

– Так вы не женаты?! – догадалась я.

– Слушай, давай отбросим эти условности, и будем говорить друг другу «ты», – предложил Вадим. – Да, у меня нет жены. В данный момент.

– И не было? – уточнила я.

– Была, но это сейчас неважно, – уклонился он от вразумительного вопроса. – У братьев в этом смысле всё в порядке: жёны, дети. Меня отец считает повесой. Некоторые родственники нащёптывают ему обо мне всякие сплетни и намекают, что есть ещё женатые племянники, которые не прочь получить фирмочку-другую вместо меня. Я в глупом положении. Оправдываться? Кляузничать на двоюродных братьев? Мне это противно. Даже подумывал отказаться от доли, самому открыть своё дело, но понял, что не так-то просто начать с нуля. Годы пройдут, пока раскрутишься. Потом я почувствовал, что он сам может оказаться без тех средств, к которым привык. Все ведь лояльны, пока он держит дело в своих руках, а как уйдёт в сторону, так растащат бизнес на кусочки, распродают и ему самому никаких дивидендов не будет. Отец переоценивает не только способности, но и порядочность родственников. Они, конечно не бандиты, но каждый поступит по своему усмотрению и постарается отмежеваться от остальных. В общем, та ещё ситуация. Понятно что-нибудь?

– Про твоего отца и братьев более-менее ясно, а вот про тебя – не очень, – заметила я. – Сколько тебе лет?

– Тридцать пять, – ответил Вадим.

– Приблизительно так я и предполагала. Тогда действительно странно, что у тебя нет ни жены, ни невесты. Ты женоненавистник?

– Я бы так не сказал... Я не знаю, это вдруг не объяснить, – он опять ушёл от прямого ответа.

– Ладно, как хочешь, не объясняй. Тогда скажи, кого мы встретили около моего дома?

– Это родная сестра отца, моя тётка. Понимаешь, мне ночью не спалось. Вчера был неприятный разговор с отцом. Надоело лежать. Я встал и поехал кататься по городу. Завтра отец собирает нас всех. Мне он сказал однозначно: «Без невесты не появляйся». Он тоже считает, что в мои годы странно быть без женщины. Я решил, что познакомлюсь с приличной, неглупой девушкой и привезу её к отцу. А как узнать, что девушка не просто хорошенькая, но и неглупая? Поговорить с ней. А тут тётка. У неё далеко идущие планы насчёт своего сынка. Вот он точно тот ещё повеса, хоть и женат! Дальше ты всё сама знаешь.

– Да, весёлая семейка! Завтра у вас будет жарко! Кстати, а про какой хутор твой дядя говорил?

– Отец давно выкупил большой участок земли за городом, чтоб родня могла построить там дома. У всех есть по дачке, один я бездомный и обычно заезжаю только погостить. Всё вместе это называется хутор.

– Твой отец вызывает во мне всё больше уважения! – восхитилась я. – Так старается человек во благо семьи!

– Семья, семья! Я уже слышать это слово не могу! – возмутился Вадим. – Оно для меня, как укор.

– Как зовут твоего батюшку? – спросила я.

– Элем Васильевич.

– Какие у них с сестрой имена красивые! – отметила я.

– У деда с бабулей тоже какие-то свои заморочки были насчёт имен детей. В каждом имени заложен какой-то скрытый смысл, – усмехнулся Вадим. – Не пожалела ещё, что столкнулась со мной?

– Нет, даже любопытно, – возразила я. – Только как ты теперь будешь выкручиваться?

– Тебя с собой возьму, – уверенно сказал Вадим.

– А меня спрашивать не будешь?

– Буду даже умолять. Рита, выручи ещё раз! Теперь, когда тётка Эллина тебя видела, не могу же я другую невесту привезти на хутор.

– Да, тогда точно ты будешь выглядеть луноном.

– Вот видишь, моя судьба теперь в твоих руках. Даже больше – старость отца. Я уверен, что когда произойдёт раздел, он увидит истинную сущность каждого. Поедешь со мной?

Разум тоненько пискнул: «Не соглашайся!». Но из глубин подсознания вынырнула авантюрная составляющая моей личности и возопила громко: «Обязательно поезжай!» Вадим спросил:

– Ты что-то сказала?

– Нет, я громко подумала, – отвечала я.

– Так как? – настаивал он.

– Какая форма одежды? – уточнила я.

Семейный хутор оказался действительно большим и красивым местом, расположенным в Ногинском районе неподалёку от реки Добренки. Все постройки совсем не нарушали естественности пейзажа этих мест, славящихся смешанными сосново-берёзовыми лесами. Простота и сдержанность архитектуры коттеджей особенно пришлись мне по душе. Нынче по всему Подмоскovie возвышаются такие вычурные дворцы, на которые затрачены миллионы долларов, но матушка-природа вокруг них безжалостно истреблена. Это удручает и отпугивает.

Из присутствующих я знала только тётю и дядю Вадима, но моментально догадалась, кто же его отец. Вадим и Элем Васильевич были похожи без различий. На меня все поглядывали, конечно, с многозначительным интересом, но никто не проявлял навязчивости. «Воспитанные люди» – с уважением подумала я.

Несмотря на заявленную острую повестку дня, внешне всё выглядело безмятежно и благодушно. Бегали симпатичные детки, грелись на солнце породистые собаки, негромко звучала музыка, сообща накрывались столы. Благополучные люди собрались для семейного пикника.

Погода благоволила. Май баловал ласковым теплом и радовал первой нежной зеленью. Изумительный воздух наполнял лёгкие и возвышал помыслы. Я уже была готова поблагодарить Вадима за неожиданную возможность так комфортно отдохнуть. Если бы не он, то я едва бы выбралась за город, а в понедельник мне предстоял насыщенный рабочий день. Поездка оказалась весьма кстати.

Чтобы не выглядеть встревоженной белой вороной, я посоветовала Вадиму не слишком опекать меня.

– Ты уверена? – удивленно спросил он.

– Иначе мы будем смотреться странновато. Посмотри, кто ещё из ваших мужчин так держится за подол своей дамы? – шепнула я.

– Верно, – согласился он. – Пойду выпью коньяку с братьями.

– Иди, прими на грудь. Твои родственники не похожи на людоедов. Я справлюсь со своей ролью.

Я присела в беседке под соснами. Мне приятен запах хвои, он умиротворяет. Вдыхая ароматы, я опрометчиво расслабилась.

Вскоре началась трагикомедия. Первой ко мне подошла улыбчивая молодая блондинка с двумя бокалами.

– Хотите сухой martini? – спросила она и представилась. – Я Ирина.

Я приняла бокал из её рук, а она сочла мой жест приглашением к беседе.

– Вы симпатичная, – мило подметила Ирина. – Можете всегда рассчитывать на меня. Я ведь жена среднего брата, Трофима.

Я решила отделиваться учтивыми, ничего не значащими светскими фразами:

– Приятно познакомиться. Давайте дружить!

– Мне тоже приятно, – замурлыкала она. – Как вам наш хутор? Милый, правда? Здесь комфортно. Приезжайте отдыхать почаще, мы будем рады. Вам ведь будет нелегко, я думаю.

– Почему? – удивилась я.

– Разве просто жить с голубым? – Ирина сделала явную попытку уязвить невесту Вадима, то есть меня, красиво, нараспев, растягивая нелицеприятные слова. – С геем, я полагаю, несладко любой нормальной женщине.

– Вы Вадима имеете в виду? – я улыбнулась как можно приветливее, хотя вечер утрачивал своё очарование. – Мама учила меня, что надо быть снисходительнее к мужским слабостям.

– Но не до такой же степени! Его первая жена не спроста совершила самоубийство, – Ирина нанесла ещё один удар по моим позициям.

– Славно началась наша дружба, не правда ли? – заговорщицки интимно отметила я. – Можно обращаться к вам напрямую, если захочется узнать перчённые подробности о членах семейного клана? А что ваш муж? Не шалит? Нет? Расскажите! Может он у вас завязанный бисексуал? Расскажите, Ирочка!

Ирина изящно встала, держа спину очень прямо, молча забрала пустую хрустальную посудину из моих рук и пошла мелкими танцующими шажочками к детям. «Наверно, берёт индивидуальные уроки шейпинга у стоящего инструктора» – подумала я, глядя вслед её удаляющейся фигурке с хорошим мышечным рельефом.

На душу, словно сажа, опустился первый слой неприятного осадка. «Если этот парень голубой, то очень хорошо маскируется, – подумала я. – А впрочем, какое мне дело до его сексуальной ориентации?» Конечно, насчёт его нетрадиционных пристрастий Ирина могла и солгать, чтоб расстроить нашу предполагаемую свадьбу, но про самоубийство жены Вадима должны знать и другие. Неужели это правда? Коварный у меня «женишок» оказался!

Долго терзаться сомнениями не пришлось. Вскоре родственнички один за другим потянулись к лавочке под соснами. Каждый спешил со своей «ложкой дёгтя». На мелкие гадости я уже не обращала внимания, выделяла только существенные детали биографии Вадима.

Тётушка Элина Васильевна была так добра, что поспешила поделиться с «невестой» племянника личными переживаниями:

– Я опасаюсь, что Вадичка не в состоянии иметь детей. Ведь почему-то первая его жена не родила ребёнка, хотя и очень хотела.

– Не это ли привело её к самоубийству? – заинтересованно спросила я.

– Так вы в курсе! Ну, что же, может так и лучше! – торжественно молвила тётя Эля. – Надо всё знать заранее, еслиходишь в семью.

За час с небольшим, пока шла неспешная подготовка к застолью, заботливые родственнички нашептали про Вадима столько, что стало ясно: одному человеку невозможно совмещать в себе такое количество душевных и физических пороков одновременно. Меня по-человечески огорчило одно: противоестественная смерть его первой жены. «Пора приниматься за журналистское расследование», – иронично подумала я.

Родственнички порядком утомили и перегрузили противоречивыми сведениями. Я решила немного пройтись по округе и осмыслить информацию. Моё внимание привлёк небольшой участок, отведённый под фруктовые деревья, видимо яблони и груши. Они отцвели, трогательно роняя на землю бело-розовые лепестки. Через садик пролежала узкая брусчатая дорожка, которая вывела меня на хоздвор. Какой-то человек в рабочем комбинезоне укладывал чурочки в поленницу. «Для камина или для бани» – подумалось мне.

– Здравствуйте! – поприветствовала я мужчину. – Я у вас в гостях. Давайте знакомиться. Я Рита.

– Доброго здоровья! – откликнулся он. – Про вас уже всем известно. Вы – невеста Вадима Элемовича.

– Верно, – легко солгала я. Я почувствовала себя примадонной в спектакле, который режиссировал Вадим. Это было захватывающе интересно, но с оттенком эпатажа.

– А я Пётр Никанорович. Я тут на все руки, хозяйство большое, сами видите. Примечаю, что вы девушка непорченная, небалованная. Он тоже хороший, Вадим-то наш, – совершенно неожиданно сказал мой новый знакомый. – Я у них лет пятнадцать работаю, все у меня на виду. Досталось ему в жизни.

Признаться, мне было приятно услышать, наконец, добрые слова о Вадиме.

– Вы его первую жену имеете в виду? Мне кажется, его это гложет, – я попыталась вызвать славного человека на откровенность.

– Вот уж она была, прости господи, стерва! Пила много, нервы ему мотала, хулиганила. Ему надо бы давно с ней развестись, а он нянькался себе во вред. Дай бог вам всего хорошего. А сейчас ступайте ужинать, накрыто уже. Хозяин, Элем Васильевич, не любит, когда кто задерживается. Уважает, чтоб все вместе сидели за одним столом, по-русски, а не кусочничали и не бегали по усадьбе с тарелками.

Я все же явилась к столу последней. Вадим выглядел обеспокоенным и так трогательно бросился ко мне, что я подумала о нём: «Как ловок этот парень! Каков притворщик! Такой не упустит свой куш и разыграет ради этого любое представление».

– Я тебя потерял, разволновался, – шепнул мне коварный «жених».

– Я немного прошлась, милый, – подыгрывая ему, сказала я достаточно громко и принялась за еду. Свежий воздух сделал своё дело: у меня просто слюнки текли.

Все соблюдали приличия, но сквозь былую напускную непринуждённость постепенно прорывалась откровенная нервозность томительного ожидания. Ели вяло, словно язвенники. Общались тускло. Пожалуй, дети, я и Элем Васильевич демонстрировали окружающим отменный аппетит, не заглушённый меркантильными интересами. Отец Вадима метко шутил, подтрунивал, одаривал небанальными комплиментами своих близких. Я невольно залюбовалась им. Острый ум и воля этого человека завораживали. Видимо, желая разрядить обстановку, он сказал:

– Сделаем небольшой перерыв перед чаем. После ужина перейдём к нашим основным делам. Разомнитесь немного, а я поговорю с Ритой.

Он отвёл меня всё к той же беседке под соснами. Я испытывала противоречивые чувства: его личность вызвала во мне человеческий интерес, но я вся внутренне сжималась от необходимости лгать ему. Впрочем, этот удивительный человек так выстроил разговор, что я отвечала только чистую правду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.